

*Валерий Васильев**

ЛЯХИ И ПОЛЯКИ В ЯЗЫКОВОЙ ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

LJACHI AND POLJAKI IN THE LINGUISTIC HISTORY OF THE NOVGOROD REGION

The article provides a brief analysis of the historical functioning of the ethnic terms *Ljach/Ljachi* and *Poljak/Poljaki* within the historical Novgorod Region. Based on materials of Novgorod regional writing, toponymy and dialect vocabulary, the author comes to the following main conclusions: 1) Polish ethnic names were widely extended words in Novgorod linguistic history (*Ljach/Ljachi* was used before the 17th century, *Poljak/Poljaki* – since the 17th century); 2) These terms have different functions and lexical value, namely they have been used as ethnonyms, personal names, and personal nicknames, as well as designations of peoples originating from the territory of medieval Polish-Lithuanian State (primarily the Belarusians who had fled to the Novgorod region), laborers, beggars etc.

Keywords: ethnonyms, personal names, history of the Russian language, Novgorod region

Słowa kluczowe: etnonimy, antroponimy, historia języka rosyjskiego, region nowogrodzki

Наименования *ляхи* и *поляки* нередко встречаются в русской письменности. В одних случаях благодаря им раскрываются события и обстоятельства сложных тысячелетних взаимоотношений между польским и русским государствами, между польским и русским народами; в других случаях эти наименования вовсе не имеют отношения к польско-русским контактам, либо их соотношение носит отдаленно-опосредованный характер. В настоящей статье проводится краткий анализ истории терминов *лях/ляхи* и *поляк/*

* Кафедра русского языка, филологический факультет, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; e-mail: vihnn@mail.ru.

поляки в пределах Новгородской земли, конкретнее – освещение того, что именно о функционировании и семантике данных лексем свидетельствуют новгородские письменность, топонимия и диалектная лексика. Исторической Новгородской землей принято считать область средневековых пятин Великого Новгорода, которая по современному административно-территориальному делению соответствует общей площади сопредельных Новгородской и Ленинградской областей, нескольких северо-западных районов Псковской области и ряда северо-восточных районов Тверской области.

В Первой Новгородской летописи – главном летописном источнике Новгородской земли – впервые встречается термин *ляхи* как обозначение поляков, жителей польского государства при описании событий 981 г. („Иде Володимиръ къ Ляхомъ, и зая грады ихъ”) и 984 г.: „Бъша же Радимичъ отъ рода Ляховъ” [НПЛ, с. 130, 131 + 529, 530]. Более поздние упоминания о ляхах датированы 1069 г. („Приде Изяславъ съ Ляхы, а Всѣслав бежа Полотьску”; „...Не води Ляховъ къ Киеву”; „Поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ”; „...Распуща Ляхы на покормъ” и др.), 1073 г. („...Все взяша Ляхове у него”), 1220 г. („Поиде князь Мъстиславъ и Володимиръ ис Києва къ Галицю на королевица, и выидоша галицяне противу, и Чехове и Ляхове и Морава и Угре, и съступишася полкове”), 1410 г. („И бысть тое осени Ляхомъ и Литвѣ побоища с Нѣмци”) [Указ. соч., с. 17, 191, 198, 261, 401].

В исконном этнонимическом качестве слово *лях* в древненовгородских летописях всегда характеризуется формой множественного числа. Плюральный этноним *ляхове* (*ляхы*, *ляхи*) нередок во многих древнерусских летописях и летописных списках как новгородского, так и неновгородского происхождения. Древнее наименование Польши имело омонимичную плюральную форму *Ляхы* (*Ляхи*); см., например, упоминание польского государства в новгородских летописях: под 1016 г. („Святополкъ бѣжа въ Ляхы”; „Святополкъ же въ Ляхи побѣже”), под 1068 г. („Изяславъ бѣжа въ Ляхы”), под 1073 г. („...Прогнаста Изяслава въ Ляхы Святослав и Всѣволодъ”, „Изяславъ же иде въ Ляхы”); кроме того, встречается наименование *Ляньская земля* (= *Лядьская земля*), деривационно соотносимое с этнонимом *ляхи*: „...А се ведеть на нас Ляньскую землю”, 1068 г. [Указ. соч., с. 18, 174, 175, 190, 197; Новг. лет., с. 178].

По новгородским летописям этноним *ляхи* прослеживается до описания событий Смутного времени начала XVII века. *Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г.*, написанное в 1658 г. иконником Иродионом Сергеевым, содержит, пожалуй, одно из последних упоминаний данного этнонима: „Излияся фиаль горести царствующему граду Москвѣ разорение

отъ зловѣрных Ляховъ” [Новг. лет., с. 407]. В XVII в. этноним постепенно устарел, оставшись словом только церковнославянского языка, зато в нарождавшемся в этот период русском литературном языке нового типа (на народно-диалектной, а не на церковнославянской, основе) утвердился синонимичный этноним *поляки* (подр. о нем ниже). Будучи устаревшим, древний этноним *ляхи* до сих пор сохраняется в книжных стилях русского языка, однако с XVII в. он нередко использовался с негативной окраской, имел отрицательную коннотацию. В русской литературе XIX в. *Лях*, как правило, не просто поляк, а „поляк-враг, желающий раскола русских и поражения России”, „поляк-иноверец” [Сабадаш, 2014, с. 84]. В современных псковских говорах, сопредельных с новгородскими, можно услышать слово *лях* в составе бранных выражений: *иди к ляху!*, *ну и лях с тобой!* Кр. [ПОС, 17, с. 311]. Современный севернорусский фольклор, имеющий, кстати говоря, древненовгородские истоки, сохранил производные древнего корня *лях-*: *ляховинский*, *ляховицкий*, *ляховецкий*, *ляцкий* ‘польский’, *Ляховинская земля* – наименование Польши [СРНГ, 17, с. 285; Фасм. ЭСРЯ, II, с. 553].

Еще с раннедревнерусской эпохи рассматриваемый этноним мог применяться в антропонимической функции. В памятниках письменности о его переходе в сферу антропонимии сигнализирует употребление в единственном числе, а также частое осложнение антропонимическим суффиксом *-ко* (< *-ько*). В регионе Новгородской земли самые ранние свидетельства антропонимии *Ляхъ*, *Ляшко* (< *Ляшько*) дают берестяные грамоты № 999 середины XII в. и № 1033 2-й половины XII в.; не исключено при этом, что *Ляшко* („Тудорове Ляшке”) и *Ляхъ* в этих двух берестяных документах выступают вариантами имени одного и того же лица, см. [Янин, Зализняк, Гиппиус, 2015, с. 98–99, 132–133, 182]. Имя *Ляхъ* отмечает также берестяная грамота № 615, датированная 2-й половиной XIII в.: „Поклоняние отъ Ля(ха)ха къ Фларевѣ” ‘Поклон от Ляха Фларю’ (удвоение слога *ха* здесь случайная описка) [Зализняк, 2004, с. 498–499]. Новгородская писцовая книга 1495/96 г. сообщает о помещике, которого звали *Лях Дюкин*; он был поставлен новой московской администрацией во владение несколькими деревнями в Полоновском погосте Деревской пятины вместо прежнего помещика Ильи Еремеева Волкова [НПК, II, с. 584].

Антропоним *Ляхъ* (> *Лях*), который, судя по древне- и старорусской письменности, имел хождение в разных русских регионах [см. Туп. СДЛСИ, с. 238, 634], находился на разной степени удаления от производящего этнонима. Если он являлся личным прозвищем, то такое прозвище не теряло семантической соотносительности с этнонимом, например, оно

могло указывать на этнически любого выходца из Польши, Великого Княжества Литовского или Речи Посполитой, либо на купца, привозившего польско-литовские товары, либо даже на человека, никак не связанного с польскими, польско-литовскими землями, но имевшего внешность или особенности говора, чем-то напоминавшие внешность или говор ляхов-поляков, и т.д. Помимо прозвищной номинации, с самого начала письменной истории Руси слово *Ляхъ*, очевидно, использовали и как устоявшееся древнеславянское личное имя, присваиваемое при рождении: на сложившуюся антропонимичность намекает не только наличие суффиксального варианта *Ляшько* (> *Ляшко*), но и нередкое размещение др.-рус. *Ляхъ* в первой позиции составных антропонимических формул. *Ляхъ*, *Ляшько* как личное имя и как этноним восточные славяне могли усвоить еще на своей прародине накануне широкомасштабных миграций в восточном и северо-восточном направлениях – в будущие Киевскую, Новгородскую, Псковскую и другие древнерусские земли. Характер размещения архаической восточнославянской топонимии подсказывает, что ранние славяне пришли в Новгородско-Псковский регион из галицко-волыньских земель Северо-Западной Украины и Юго-Восточной Польши [Васильев, 2012, с. 671–680], т.е. как раз из того региона, где, судя по ранним источникам, жили *лендзяне*, польск. *łędzianie* [см. Łowmiański, 1973, с. 404–501; Назаренко, 1993, с. 31–33], или иначе – *ляхи*. Это второе название по общепринятому мнению является усеченно-суффиксальным вариантом племенного наименования *лендзяне*.

У русских антропонимы *Лях*, *Ляшко* утратили свою популярность в XVII в. – одновременно с этнонимом *ляхи*. Со временем они отразились в русских фамилиях *Ляхов*, *Ляшков*, *Ляшко*, иногда встречающихся сегодня.

В западных областях России, в Белоруссии и на Украине отложилось немало географических названий на *Лях-/Ляш-*. Средневековая письменность исторической Новгородской земли сохранила целый ряд таких топонимов, из которых самым ранним и значимым выступает название селения *Ляховичи* на р. Ловать неподалеку от города Старая Русса Новгородской области. Впервые об этом пункте как о погосте – центральном селе погостского округа – упоминает грамота великого князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю 1134 г.: „Се азъ князь великый Всеволодъ даль есмь святому Георгию Терпужьскыи погость Ляховичи съ землею, и съ людьми, и съ коньми, и лѣсъ, и борти, и ловища на Ловати...” [ГВНП, с. 139–140, грамота 80]. Одни исследователи предполагали деэтнонимное образование др.-новг. *Ляховичи* („[...] Очевидно, происходит от слова «ляхи», т.е. «по-

ляки». Видимо, население погоста состояло из пленников, вывезенных из Польши» [Фроянов, 1974, с. 80]), другие производили от антропонима *Ляхъ*, как, например, археолог Е.Н. Носов [Носов, 1993, с. 37]. Какой статус имело мотивирующее слово для др.-новг. *Ляховичи* – статус этнонима или антропонима – сказать по-прежнему затруднительно, надежного решения не существует. С одной стороны, известно, что топонимическая модель с формантом *-(ов)-ичи* обыкновенно оформляет антропонимические основы, отражая исходные патронимы; следовательно, структура топонима *Ляховичи* склоняет к расшифровке его как первоначального ‘поселения рода *Ляховичей* – потомков лица по имени *Ляхъ*’, более того, данная версия легко подкрепляется популярностью среди новгородцев личного имени *Ляхъ* в раннюю эпоху XII в. Деэтнонимные названия в русском языке обычно принадлежат иным топонимическим моделям, в частности, для *лях-* ожидалось бы скорее названия *Ляхи* множественного числа или *Ляшско*, *Ляховско* с относительным суффиксом *-ск-*. С другой стороны, деривация от этнонима для др.-новг. *Ляховичи* тоже не исключена. Так, прилагательное от топонима *Ляховичи* имеет форму *ляховицкий*, которая совпадает с прилагательным *ляховицкий* в значении ‘польский’ онежских былин: ‘Я тоже короля дочь ляховицкого, Молода Настасья да Никулична’ [СРНГ, 17, с. 285]; наличие *ляховицкий* допускает, по закономерностям обратного словообразования, реконструкцию существительного **ляховичь* со значением ‘лях-поляк’. Более того, неподалеку от погоста *Ляховичи* на Ловати новгородские писцовые книги указывают несколько одноименных средневековых деревень *Ляховицкого* (!) десятка¹ волости Велиля XV–XVI вв. в верховьях р. Полы: д. *Ляховичи*, иначе *Леховичи*, д. *В Ясну Ляховичи* и д. *Ляховицы* [НПК, II, с. 758, 767; ПKNЗ, 4, с. 337], а книга 1561 г. отмечает там деревню и местность *Леховичи* [ПKNЗ, 5, с. 365, 367, 372, 373, 374]. Несколько однотипных топонимов в пределах небольшой волости Велиля, безусловно, появилось благодаря микротерриториальным переносам одного из названий *Ляховичи*, более древнего, которое в данной местности укоренилось, конечно, задолго до XV в. Более того, в сопредельном с волостью Велиля Молвятицком погосте книга 1495 г. отмечает название д. *Ляховы* [НПК, I, с. 661], которое интересно своей нетипичной плюральной формой. Если данная единичная фиксация в НПК не содержит случайной ошибки, то средневековое *Ляховы* (соотносимое с названием современной д. *Лёхово* Марёвского района Нов-

¹ Десяток – одна из мелких территориальных единиц (меньше, чем волость и погост) на юге средневековой Новгородской земли.

городской области) можно считать продолжением топонимической формы **Ляховы*, равной этнониму *ляховы* ‘ляхи’ (с плюралльной флексией *-овы*, встречающейся в древненовгородском диалекте [см. Зализняк, 2004, с. 96], тогда как нормой древнерусского языка была форма *ляхове*, с флексией *-ове*) и указывавшей как раз на поселение ляхов. Изложенные топонимы – *Ляховичи* на Ловати, *Ляховичи (Ляховицы)* в верховьях Пола и *Ляховы* (= **Ляховы*) Молвотицкого погоста – показательным образом локализуются вблизи юго-западного пограничья средневековой Новгородской земли, т.е. примерно в тех местностях, где раньше всего появились славяне, продвигавшиеся в Новгородский регион с юго-запада – со стороны Среднего и Верхнего Поднепровья. Это позволяет связать появление изложенной новгородской топонимии на *Ляхов-* с приходом ранних славян, среди которых, надо полагать, были и группы ляхов (лендзян). Действительно, отдельные группы ранних ляхов могли участвовать в колонизации Новгородского региона и обустроить здесь свои первоначальные селения, поскольку в своем движении сюда ранние восточные славяне пересекли Верхнее Поднепровье (а именно там Начальная летопись помещает радимичей, которые „от рода Ляховъ”), и поскольку исходный очаг миграций восточных славян на новгородский Север включал часть территории Юго-Восточной Польши, где локализуют исторических лендзян-ляхов, о чем уже говорилось выше.

Для остальных же старописьменных новгородских названий, отражающих корень *лях-*, деантропонимная мотивация выглядит более предпочтительной. Таковы топонимы *Ляхово*, *Ляшково* для нескольких селений Водской, Деревской и Шелонской пятин конца XV–XVI в. [НПК, III, с. 150, 358; II: 208; IV, с. 406], *Ляхова* д. в Федоровском Песоцком погосте Водской пятины около 1500 г. [ПКВод, 11, с. 45], *На Ляхове* покос под Новгородом 1-й половины XVI в. [ПKNЗ, 1, с. 331], *Ляхово* рыболовная тоня в бассейне Северной Двины 1-й половины XV в. [ГВНП, с. 244, грамота 221].

Закрепление в русской письменности с середины XVII в. этнонима *поляки* привело к падению функционирования термина *лях/ляхи* во всех его смыслах (этническом, территориально-политическом, антропонимическом) и к перемещению последнего на языковую периферию. Похоже, наименования *поляков* и *Польшии* впервые вошли в оборот с описания событий Смутного времени начала XVII в., когда Российскому государству пришлось отражать польско-литовскую интервенцию. В *Повести о разорении Московского государства...*, написанной в 1654 г., используется уже новый этноним: „Поляки и Литва [...] приложишася къ рускимъ измѣнникомъ и нападающе на христоименитыя люди” [ПРМГ, с. 10]. В новгородском летописном *Сказании*

об осаде Тихвинского монастыря..., написанном в 1658 г., наряду с *ляхи*, использовано наименование *польские люди* („и толикое множество Польскихъ и Литовскихъ людей”), в отрывке XVIII в. из *Летописного сборника, принадлежащего Новгородскому Николаевскому Дворищенскому собору* при описании событий начала XVII в. даны наименования *поляки* и *Полиша* [Новг. лет., с. 406, 407, 473]. В отличие от летописей, новгородская деловая письменность 2-й половины XVII в. знает термин *поляк/поляки* в значении явно не относящемся к представителям польского этноса. Писцовая книга 1673/74–1685 гг., например, сообщает, что в с. Ракомо близ Новгорода жили: „Крестьянин Ивашко Мартемьянов, поляк, принялся ко вдове к старожилке к Стахьевской жене Омельянова во 176-м году”; Нестерко Самуилов поляк, „у него детей Фетка, Ивашко осми лет, Ивашко ж годовой, а живет в том селе тому лет з десять”; в д. Лукиншина под Новгородом проживали: „крестьянин Ондрюшка Иванов поляк Вытинского уезду, вышел тому двадцать пять лет”; „крестьянин Федко Анфиногенов, у него зять Гришка Иванов поляк” [ИПиСТ, с. 288, 290, 307, 308]. *Поляками* здесь названы крестьяне с русскими именами и с русскими патронимами, но крестьяне – не местные старожилы, а пришлые, подселенные в деревни приновгородской округи. Возможно, речь идет о русских или белорусских крестьянах, переселившихся под Новгород из более южных, но сравнительно недалеких земель окрестностей Смоленска и Витебска; ср. указание на *поляка* „Вытинского уезду”, т.е. *Витебского уезда*². Эти земли в середине XVII в. входили в состав польско-литовского государства Речи Посполитой и ко всем переселенцам оттуда новгородцы, надо полагать, прилагали территориально-политический термин *поляки*. Причины исхода витебско-смоленских крестьян на соседние новгородские пределы могли быть разными: крестьяне спасались от русско-польской войны 1654–1667 гг., охватившей, среди прочих, смоленские и витебские земли, или убегали от жесткого насаждения униатства среди православных людей на северо-востоке Белоруссии в 1-й половине XVII в. (о чем красноречиво свидетельствуют, например, народные восстания против униатов в Могилеве 1618 г., в Витебске, Полоцке, Могилеве, Орше 1623 г.). В из-

² Передача наименования *Витебского* уезда искаженной записью „*Вытинского*” не слишком удивляет. Слог [vi] по русским говорам порой отвердевает в [vy], звук [б] перед глухим согласным переходит в [п] и может быть случайно передан буквой *n*, которую при написании иногда смешивают с похожей буквой *n*. Аналогичные искажения прослеживаются на примере записей омонимичного названия *Витебского* озера, расположенного в Крестецком районе Новгородской области. В межевых материалах конца XVIII в. это озеро именуется то *Витебское*, то *Вытепское*, то *Вытемское*, то *Бытенское*, то *Вытенское* [см. Васильев, 2017, с. 183].

данном в досоветский период *Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона* содержатся краткие сведения о переселении поляков в г. Валдай Новгородской губернии: „В царствование Алексея Михайловича сюда были выселены поляки, память о которых осталась в названии улицы Панской” (<https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron/1589010.html>). Смысл термина, впрочем, требует уточнения: вопреки Брокгаузу и Ефрону, на Валдае при царе Алексее Михайловиче оказались скорее всего не этнические поляки, а русско-белорусские переселенцы из Речи Посполитой.

Начиная с середины XVII в. наименование *поляк* стало широкоупотребительным и в других регионах России. Вскоре оно значительно расширило свою семантику, которая разветвилась от узкоэтнического значения ‘представитель польского народа’ к обобщенно-территориальному ‘житель (выходец из) бывших белорусско-литовских земель Речи Посполитой’ и далее к характеризующим значениям типа ‘чернорабочий’, суровый, сердитый человек’, ‘любитель картофеля’ и др. [подр. см. в СРНГ, 29, с. 188]. В разных своих значениях данный термин часто становился личным прозвищем, его активная антропонимизация наблюдается в разных русских областях со 2-й половины XVII в.; ср., например, Прошка *Поляк*, житель г. Старой Русы Новгородской земли 1672/73 г. [ППКСР, с. 366], Васко *Поляк*, черныярский стрелец, 1670 г., Пашка *Поляк*, человек князя Семена Львова, 1672 г., Андрей *Поляк*, красноярский боярский сын, 1679 г. [Туп. СДЛСИ, с. 314, 702]. Нередко использовалось и коллективное прозвище *поляки*, *поляки́* применительно к жителям отдельных селений, например, так прозывали жителей д. Трусово к северу от Новгорода в Среднем Поволховье: „Дразнят – вот трусовские поляки идут” Волхов. Ленингр., 1967 г.; в Смоленской губернии *поляки́* было известно как прозвище жителей с. Буды и окрестностей, 1927 г., во Владимирской губернии *поляками* звали жителей селения Николы-на-Поле, 1905–1921 гг. [СРНГ, 29, с. 188]. О значительной популярности наименования *поляк* и прозвища *Поляк* свидетельствует общеизвестная современная фамилия *Поляков*, вошедшая в список 500 самых распространенных русских фамилий, более того, в ранге частотности она оказалась на близком к началу списка 43 месте [Журавлев, 2005, с. 135]. Антропонимизация слова *поляк*, впрочем, была ограничена функцией прозвища, которое в отличие от *лях*, *поляк* никогда не превращалось в личное имя, получаемое при рождении. Русская топонимия с основой *Поляк*-сравнительно малочисленна, если взять территорию бывших древненовгородских пятин, то находим только руч. *Поляков* в бассейне Тосны, левого

притока Невы, оз. *Поляковское* со стоком в р. Луга³ и в соседней Тверской области д. *Поляково* неподалеку от Бежецка.

В самом начале XIX в. о присутствии поляков в Новгородской губернии свидетельствует акад. Н. Озерецковский. Путешествуя вокруг оз. Ильмень в 1805 г., он останавливался в д. Гостцы на восточном берегу Ильменя, где узнал, что к местным крестьянам-старожилам „прибавилось поляков до 35 человек, которым дана земля из числа отмежеванных для природных тамошних жителей” [Озерецковский, 1808, с. 81]. В другом месте своего сочинения Озерецковский пишет, что город Валдай „населен пленными поляками” [Указ. соч., с. 41]. Кто были эти поляки, автор не раскрыл, остается только строить догадки. Полагаю, в обоих случаях вряд ли это были этнические поляки, скорее нужно подразумевать белорусов (преимущественно), переселенных в Новгородскую губернию. Действительно, в новгородских и соседних псковских народных говорах XIX – начала XX в. *поляк* ‘рабочий из белорусских губерний’ Тихв. Новг., ‘чернорабочий’ Пск. Осташк., Твер., кроме того, в соседней Олонецкой губернии *поляками* называли молодых крестьян, уходящих на заработки (на Мариинскую систему тянуть суда) [СРНГ, 29, с. 188]. В конце XVIII – начале XIX в. население Белоруссии, или, иначе, Северо-Западного края, сильно пострадало в результате наполеоновских войн и разделов Польши. Спасаясь от голода и разорения, многие белорусы переселились в соседнюю Новгородскую и другие губернии или отправлялись на отхожие промыслы, где занимались тяжелой черновой работой и бедствовали. Очевидно, поэтому уже в XX в. в народной речи устойчиво закрепилось еще одно, исключительно новгородское, значение рассматриваемого термина: *поляк* – ‘нищий’ в Старорусском уезде 1920-х гг. [Пылаев, 1929, с. 125], ‘нищий, собирающий милостыню’: „Побираха, а сперва поляки называли, что весь оборванный, потом нищий стали называть. Поляки, бывало, стукали палкой: «Поддай Христа ради». Что мы этому поляку дадим? Теперь и поляков нет. Раньше часто поляки приходили” Парф. + Ст., *полька*, *полячка* ‘нищая’: „Полька побирается, просит Христа, ради” Ст., „Поляк идёт, полячка идёт, нищие это” Новг. [НОС, 2010, с. 895, 896].

Разумеется, в XIX веке, после присоединения Польши к Российской империи, в новгородской провинции и в самом Новгороде проживало также какое-то небольшое число этнических поляков. Следы их постоянного новгородского проживания (а не временного пребывания, например,

³ Что касается гидронимии, не исключена вероятность деривации от омонимичных лексем с неличным значением типа диал. новг. *поляк* ‘трава пырей’ [НОС, 2010, с. 896].

в центрах пересылки) очень скудны. К письменной документации я обращаться не буду, но все же в завершение хочу привести небольшой, но интересный для рассматриваемой темы фрагмент материала новгородских надгробных надписей XIX в. За 2016–2017 гг. в рамках проекта по созданию регионального некрополя досоветского времени⁴ нам удалось зафиксировать в Новгородской области порядка 600 старинных надгробных надписей, в том числе несколько надписей на польском языке над захоронениями поляков. В частности, на Рождественском кладбище у окраины Великого Новгорода был обнаружен погребальный памятник в виде каменного куба со следующими строками⁵: **Tu spoczywają zwłoki / S. P. / Leukadyi z Żukowskich / Jasiewiczowej / urodziła się dnia 27-go listopada 1866 roku / zmarła dnia 15-go lipca 1901 roku / Prosi o Pozdrowienie Anielskie.** На кладбище возле д. Заполье Батецкого района Новгородской области найдено полуразбитое старинное надгробие с едва читаемой надписью: **Tu spoczywają zwłoki / Anastazii Kierbeuz / Sawickich, / 33-ch lat i Córki Jej / Antoniny, / 11-u Miesięców zmorłych / 21-go Czerwca 1856 roku.** На этом же погосте сохранилась еще пара надписанных надгробий, одно над погребением Леонарда Рымкевича (**Leonard / Rymkiewicz / Urodził / się 6 Listopada 1801 Roku / Umarł / 1851 Roku 3 Stycznia**), другое посвящено Петру Савицкому: **Piotr Sawicki / urodził się 26 stycznia / 1833 r. / umarł 16 Czerwca / 1882 r.** Эти надписанные памятники, расположенные за алтарем полуразрушенной кладбищенской церкви, являются яркими свидетельствами того, что в новгородской сельской глубинке в 1-й половине и в середине XIX века проживала группа этнических поляков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

др.-новг. – древненовгородский
 др.-рус. – древнерусский
 новг. – новгородский

Источники

ГВНП – *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 1949, под ред. С.Н. Валка, Издательство АН СССР, Москва–Ленинград.

⁴ Проект Н.Н. Вихровой и В.Л. Васильева „Новгородские страницы «Русского провинциального некрополя»: верификация и дополнения”, РГНФ-РФФИ, № 16-11-53001а(р).

⁵ Здесь и далее знаком слэш (/) в тексте надписей условно помечены переходы со строки на строку.

- ИПиСТ – *Ильменское Поозерье и смежные территории в конце XV–XVII вв.*, 2014, подгот. публ. И.Ю. Анкудинов, Издательство Рукописные памятники Древней Руси, Москва.
- Новг. лет. – *Новгородские летописи*, 1879, издание Археографической комиссии, Санкт-Петербург.
- НОС 2010 – *Новгородский областной словарь*, 2010, изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников, Ин-т лингв. исслед. РАН, Издательство Наука, Санкт-Петербург.
- НПК – *Новгородские писцовые книги, изд. Археограф. Комиссией, в 6 т.*, 1859–1910, Типография В. Безобразова и Ко., Санкт-Петербург.
- НПЛ – *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, 2001, Издательство Александрия: Узорожье, Рязань.
- ПКВод – *Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года*, „Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских”, 1851–1852, кн. 11, 12, Москва.
- ПКНЗ – *Писцовые книги Новгородской земли*, сост. К.В. Баранов, 1999, т. 1, Издательство Археографический центр, Древлехранилище, Москва; 1999, т. 2, Издательство Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург; 2001–2009, т. 3–6, Издательство Древлехранилище, Москва.
- ПОС – *Псковский областной словарь с историческими данными*, 1967–2016, вып. 1–24, Издательство ЛГУ/СПбГУ, Ленинград/ Санкт-Петербург.
- ППКСР – *Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв.*, 2009, подгот. И.Ю. Анкудинов, К.В. Баранов, А.А. Селин, Издательство Рукописные памятники Древней Руси, Москва.
- ПРМГ – *Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. Повесть о разорении Московского государства и вся Россия земля*, 1881, Издание Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете, Москва.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*, 1965–2017, гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников, вып. 1–50, Наука, Москва, Ленинград/ Санкт-Петербург.

- Туп. СДЛСИ – Тупиков Николай, *Словарь древнерусских личных собственных имен*, вступ. ст. и подгот. текста В.М. Воробьев, Издательство Русский путь, Москва (Напечатано по изданию: *Словарь древнерусских личных собственных имен. Труд Н.М. Тупкина*, 1903, т. VI, Санкт-Петербург, с. 98–913).
- Фасм. ЭСРЯ – ФАСМЕР МАКС, 1986–1987, *Этимологический словарь русского языка*, т. I–IV, пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева, Прогресс, Москва.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ВАСИЛЬЕВ Валерий, 2012, *Славянские топонимические древности Новгородской земли*, Издательство Рукописные памятники Древней Руси, Москва.
- ВАСИЛЬЕВ Валерий, 2017, *Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем*, Издательский Дом ЯСК, Москва.
- ЖУРАВЛЕВ Анатолий, 2005, *К статистике русских фамилий. I*, „Вопросы ономастики”, № 2, с. 126–146.
- ЗАЛИЗНЯК Андрей, 2004, *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Издательство Языки славянской культуры, Москва.
- НАЗАРЕНКО Александр, 1993, *Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий*, Наука, Москва.
- НОСОВ Евгений, 1993, *О грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (К вопросу о сложении феодальной вотчины)*, „Новгородский исторический сборник”, 4(14), Санкт-Петербург, Новгород, с. 27–39.
- ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ Николай, 1808, *Обозрение мест от Санкт-Петербурга до Старой Русы и на обратном пути*, Санкт-Петербург.
- ПЫЛАЕВ Владимир, 1929, *Старорусский край: природа и население*, под ред. Д.О. Святского, Издание автора, Новгород.
- САБАДАШ Надежда, 2014, *Этнонимы поляков в русской литературе первой половины XIX века*, „Русская речь”, № 5, с. 83–87.
- ФРОЯНОВ Игорь, 1974, *Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории*, Издательство Ленинградского университета, Ленинград.
- ЯНИН Валентин, ЗАЛИЗНЯК Андрей, ГИППИУС Алексей, 2015, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*, т. XII, Издательство Языки славянской культуры, Москва.

ŁOWMIAŃSKI Henryk, 1973, *Początki Polski*, t. 5, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, <https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron/1589010.html> (последнее вхождение: 29.10.18).

Valeriy Vasilyev

LACHY I POLACY W DZIEJACH JĘZYKOWYCH ZIEMI NOWOGRODZKIEJ

Streszczenie

W artykule autor analizuje funkcjonowanie dwóch polskich nazw etnicznych w tekstach dawnego piśmiennictwa nowogrodzkiego, w toponimii nowogrodzkiej i leksyce dialektalnej. Pierwsza część artykułu została poświęcona etnonimowi *ляхи*. Omówiono występowanie etnonimu w dawnych kronikach (latopisach) nowogrodzkich. W wyniku antroponimizacji tego etnonimu pojawiły się stare nowogrodzkie imiona własne *Ляхъ*, *Ляшко*, które zostały odnotowane w gramotach na korze brzozonej z XII–XIII w. Przeanalizowano również średniowieczną toponimię z tematem *Лях-/Ляш-* na terenach leżących w pobliżu południowo-zachodnich granic historycznej ziemi nowogrodzkiej, por. nazwy miejscowości *Ляховичи* (znana od 1134 roku) oraz *Ляхова* (= *Ляхова*). Jest bardzo prawdopodobne, że te nazwy były pozostawione przez starożytnych Lachów-Lędzian, którzy wraz z innymi Słowianami mogli uczestniczyć w kolonizacji północno-zachodniego terytorium rosyjskiego.

Druga część artykułu jest poświęcona nazwie *поляки*, która utrwaliła się w języku rosyjskim w XVII wieku, przesuując nazwę *ляхи* na peryferie językowe. W piśmiennictwie rosyjskim zaczęto używać etnonimu *поляки* w opisach wydarzeń okresu Wielkiej smuty w Rosji na początku XVII w. Zwykle jednak w rejestrach podatkowych ziemi nowogrodzkiej (*писцовые книги*) oraz innych dokumentach z XVII–XIX w. używa się słowa *поляк* w szerszym sensie – jako określenia mieszkańców dawnej Rzeczypospolitej, czyli państwa polsko-litewskiego. Najczęściej słowem *поляк* nazywano Białorusinów, którzy uciekli na sąsiednie ziemie nowogrodzkie w poszukiwaniu lepszego życia. Zresztą etniczni Polacy również żyli w niektórych miejscowościach guberni nowogrodzkiej w XIX w.

W końcowej części artykułu przedstawiono kilka napisów nagrobnych w języku polskim, które zostały znalezione na miejscu pochówku Polaków z XIX wieku we wsi niedaleko Nowogrodu.

LJACHI AND POLJAKI IN THE LINGUISTIC HISTORY OF THE NOVGOROD REGION

Summary

This article analyzes how Polish ethnic names are reflected in the material of ancient Novgorod written sources, Old Novgorod toponymy and dialectal vocabulary. The first part of the article is devoted to the ethnonym *Ljachi*. Firstly, the functioning of the ethnonym in ancient Novgorod chronicles is explored. Due to the so-called “anthroponymization” of this ethnonym the Old

Novgorodian personal names *Ljach*, *Ljashko* marked in the 12th–13th centuries, appeared. Secondly, the medieval toponymy on *Ljach-/ljash-* is explored, among which most important are the names of *Ljachovichy* (from 1134) and *Lachova* (= *Ljachova*) in villages located near the southwestern borders of the historical Novgorod Region. It is likely that these place-names were left by the ancient *Ljachi-Lendzjane*, which, along with other Slavs, could have participated in the colonization of the territory of the Russian Northwest.

The second part of the article deals with the ethnic name *Poljaki* that stuck in the Russian language in the 17th century, displacing the ethnic name *Ljachi* to the periphery of the language. Novgorod Cadastre Books (*piscovyje knigi*), as well as other written documentation of the 17th–19th centuries generally use the word *Poljak* in the wider, territorial sense – as a designation of the inhabitants of the Polish-Lithuanian States. Most often, the word *Poljak* referred to the Belarusians who had fled to neighboring Novgorod in search of a better life. However, ethnic Poles also lived in separate localities in Novgorod province in the 19th century.

At the end of the article, there is interesting material on inscriptions in Polish, that are on the tombstones over the graves of Poles living in the 19th century in the countryside near Novgorod.